

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(6), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Палашевская И. В. Английская коронация : ценностный и презентационный аспекты «перформанса власти» / И. В. Палашевская, Т. Н. Астафурова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 6. — С. 112—142. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-6-112-142.

Palashevskaya, I. P., Astafurova, T. N. (2026). English Coronation: Values and Performance of Sovereign Power. *Nauchnyi dialog*, 15 (6): 112-142. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-6-112-142. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Английская коронация: ценностный и презентационный аспекты «перформанса власти»

Палашевская Ирина Владимировна

orcid.org/0000-0002-2719-8147

доктор филологических наук, профессор,
кафедра иноязычной коммуникации
и лингводидактики,

корреспондирующий автор

english@volsu.ru

Астафурова Татьяна Николаевна

orcid.org/0000-0002-1299-8109

доктор филологических наук, профессор,
кафедра иноязычной коммуникации
и лингводидактики

english@volsu.ru

Волгоградский
государственный университет
(Волгоград, Россия)

English Coronation: Values and Performance of Sovereign Power

Irina V. Palashevskaya

orcid.org/0000-0002-2719-8147

Doctor of Philology, Professor,
Department of Foreign Language
Communication and Linguodidactics,

corresponding author

english@volsu.ru

Tatyana N. Astafurova

orcid.org/0000-0002-1299-8109

Doctor of Philology, Professor,
Department of Foreign Language
Communication and Linguodidactics

english@volsu.ru

Volgograd State University
(Volgograd, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена особенностям аксиологической манифестации власти через ритуальное действие. Определяются существенные признаки (миметический, остенсивный, символический, перформативный, аффективный) английской коронации как перформансной практики в политической культуре британского социума. Рассматривается презентационная сторона ритуального события как потока символов-презентем, посредством которой оно эмпирически наблюдается и интерпретируется в контекстах конкретных эпох и периодов. Особое внимание уделяется перформативному характеру языка, формулам клятвы короля и признания суверена народом, а также вербальным жестам выражения верности и воздания почтения как актам символического подчинения и выстраивания отношений Британии на внутреннем и внешнем политических уровнях. Обсуждается адаптационная способность ритуала к контекстам современности, основанная на принципе удержания его исконного теологического смысла при рецепции новых религиозных и секулярных воззрений. Подчеркивается роль коронации как политического инструмента укрепления солидарности, консолидации разнородного общества вокруг субъекта власти. Дается системный обзор трудов теоретиков ритуальной культуры самопрезентации монархии, прослеживается общее развитие английской коронации в ценностно-идеологическом аспекте, процесс неосемантизации ритуала и модернизации аксиологического ядра коронационных актов.

Ключевые слова:

английская коронация; ритуал; перформанс; перформативный акт; символ; ценности культуры; театр власти.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the axiological manifestation of power through ritual actions, specifically focusing on the English coronation as a performative practice within the political culture of British society. The study identifies essential characteristics of the coronation ritual, including its mimetic, ostensive, symbolic, performative, and affective dimensions. It examines the presentation aspect of this ritual event as a stream of symbols — presentemes — through which it is empirically observed and interpreted within the contexts of specific epochs and periods. A significant emphasis is placed on the performative nature of language, particularly the formulas of the king's oath and the recognition of the sovereign by the people. Additionally, the article discusses verbal gestures of loyalty and homage as acts of symbolic submission, which serve to establish relationships within both domestic and international political spheres. The adaptability of the coronation ritual to contemporary contexts is also analyzed, highlighting its ability to retain its original theological meaning while incorporating new religious and secular perspectives. The coronation is portrayed as a vital political instrument for fostering solidarity and consolidating a diverse society around a central authority figure. The article provides a comprehensive review of theoretical scholarly literature and media discourse surrounding the ritual culture of monarchical self-presentation. Furthermore, the paper traces the evolution of the English coronation through a value-ideological lens, examining the process of the ritual's neosemantization and the modernization of the axiological core of coronation acts.

Key words:

English coronation; ritual; performance; performative act; symbol; cultural values; theater of power.

УДК 81'22:81'42:316.722

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-6-112-142

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Английская коронация: ценностный и презентационный аспекты «перформанса власти»

© Палашевская И. В., Астафурова Т. Н., 2026

1. Введение = Introduction

По образному замечанию исследователей, имперское величие досталось Британии дорогой ценой, в XX веке владычество над миром перешло к ее юному отпрыску США, а империя оставила после себя, как след прибою, язык, на котором сегодня говорит большая часть мира [Дженкинс, 2019, с. 11], а также ритуал коронации своих монархов. Даже те, кто считает данную церемонию абсурдным анахронизмом, должны признать, что она продемонстрировала удивительную способность к выживанию на Британских островах.

Самое яркое церемониальное становление института монархии приходится на эпоху правления Тюдоров (XV—XVII века), сосредоточивших власть короны и религии в одних руках и создавших особую семиотическую систему театрализованных ритуалов (перформансов) и монаршего дискурса для воздействия на подданных. История же самой коронации на Британском архипелаге началась более тысячи лет назад. Свое первое фиксированное оформление собственно английская версия ритуала получила в 973 году нашей эры, когда в аббатстве Бата святытель Дунстан, архиепископ Кентерберийский, короновал суверена Эдгара (прозванного Миролюбивым), правителя Нортумбрии и Мерсии (с 957 года) и всей Англии (с 959 года) [Schramm, 1937, p. 19]. Многие положенные Дунстаном в чинопоследование коронования сохранились до наших дней. Наряду с уникальными компонентами ритуал вобрал и ряд континентальных традиций. В большинстве собственно англосаксонских и европейских церемоний венчания на царство выделяются общие элементы, включая формальное признание нового монарха народом и знатными пэрами, помазание святым миром или елеем, причащение, интронизацию и вручение регалий власти (включая корону, скипетр и державу). За этим обычно следовала та или иная форма выражения почтения со стороны ведущих представителей трех сословий: духовенства, дворянства и общин — религиозной, аристократической и демократической составляющих власти. Вариации этих сюжетных частей ритуала встречаются по всей Европе вплоть до XX века [Hazell et al., 2023].

Современная английская коронация — это не только величайшее событие, торжество традиций и истории, важная дипломатическая возможность представить Великобританию всему миру. Как отмечают ученые, сегодня этот ритуал

представляет собой отображение разнообразных взглядов и интересов в обществе. Для одних он выражает связь между монархией и религиозными конфессиями многоукладной страны, для других — формальные отношения монарха с двумя палатами парламента [Spangler, 2024]. Многие видят в этом транслируемом по всему миру событии отголоски колониальной истории [Burnard, 2022; Newman, 2023; Laughland, 2023; Ott, 2023]. Есть те, кто называет коронацию «непристойной тратой денег налогоплательщиков» (*obscene waste of taxpayers' money*) [Ferguson, 2024]. Для молодых поколений это чуждый современным демократиям архаичный обряд с его концепцией божественного права, верой в сакральные качества короля (*Lord's anointed*), мистическим почтением (*mystic reverence*) и религиозной преданностью суверену (*religious allegiance*), являющимися, как подчеркивал английский политолог, мыслитель У. Беджгот, сутью истинной монархии (*true monarchy*) [Bagehot, 1888, p. 3].

Ревностные защитники коронации обращают внимание на то, что хотя в XXI веке данная церемония и может казаться анахроничной, но отчасти в этом и заключается её смысл. Коронации — не просто переопределение статуса, «превращение» претендента на престол в истинного короля или королеву. Их задача — сделать монархию, старейший политический институт Великобритании, зримой, усилить ее визуальную символическую сторону: “Coronations aren’t really about transforming a person into a king or queen. Their job is for show, to reinforce the symbolism of their reign” [Addley, 2023]. Неслучайно центральное место коронации в Вестминстерском аббатстве называется «театром», «сценической площадкой власти». Метафора *theatre of power*, употребляемая сегодня в разговорах о коронации как «спектакле», «театральной постановке», или «произведении сценического искусства», — способ взглянуть на то, как слова, предметы и жесты используются монархией для ее самопредъявления. Это действие выполняет увековечивающую, консервирующую функцию, направлено на историческую преемственность, сохранение и длительное существование традиционно ключевой фигуры во властеустройстве британского общества, которая призвана служить интеграции, объединению всех деятельностных составляющих политической системы и придавать им величие (*dignity*) [Bagehot, 1974]. Как писал М. Форте, профессор социальной антропологии Кембриджского университета Великобритании, повторяющимся мотивом в этих церемониях является демонстрация того, что положение короля обладает непрерывностью, можно сказать, бессмертием (*immortality*). Оно существует независимо от своих временных носителей (*temporary holders*), предшествуя им и переживая их. Это положение ассоциируется с материальными, осязаемыми знаками отличия, инсигниями власти [Fortes, 1967, p. 8]. Сентенцию «Король умер, да здравствует король» — *the King is dead, long live the King* — можно осмыслить как *the King is dead, the Kingship lives forever* [Fortes, 1967, p. 9] — Король умер, но корона [как социальный институт] вечна. Непрерывность королевской власти обеспечивается династичностью и законной наследуемостью и предопределена непрерыв-

ностью божественной власти, которая через ритуал коронации сообщает суверену необходимые качества и помощь в несении его служения как *rex Dei gratia* (король милостью Божьей). В контексте современного управления обществом (многие члены которого убеждены в том, что политическая власть даруется народом, а не Богом) эта сентенция реинтерпретируется как *Politicians are here today, gone tomorrow, but the monarchy persists*. Данный перифраз передает идею о способности монархии, олицетворяющей консервативность, многовековые традиции и культурные устои общества, сохранять свою ценность для правящих кругов в качестве долговременного идеологического инструмента воздействия и укрепления социального согласия в изменчивом политическом мире Британии.

Вместе с тем одна из ключевых проблем современного «театра коронации» с его сложным синтетическим языком — магией слов, предметов и жестов — заключается, с одной стороны, в его иллюзорности, самореферентности в контексте современности, а с другой — в неизбежной элитаризации данного действа, его дистанцированности от обычного зрителя. Как отмечает исследовательница Британии раннего Нового времени Дж. Джанаутсос (Mount St. Mary's University, Maryland), коронации всегда отделяли королей от народа посредством зрелищности, сверкающих облачений и клятв перед Богом, освящающих божественную тайну монархии как института и легитимирующих правителя, вступившего на престол: «... coronation ceremonies historically have fulfilled a dual purpose of sanctifying the divine mystery of monarchy as an institution and of legitimizing a particular ruler who has acceded to the throne. Coronations set kings apart from their people through highly sacred rituals and spectacles, from the act of unction (the imbuing of Holy Oil) to the parading of glistening vestments, to the swearing of oaths before God» [Gianoutsos, 2023]. Несмотря на устройство наблюдательных площадок для публики с огромными экранами в центре Лондона (на Гровнер-сквер, в квартале Мейфер, в окрестностях Букингемского дворца — в Грин- и Сент-Джеймском парках), предоставляющими возможность простым жителям Соединенного Королевства «сидеть в первом ряду», это действо, по мнению ученого, и в XXI веке демонстрирует размежевание социальных миров.

Представляется, что в наши дни британская общественность ожидает от института монархии не столько преемственности (*continuity*) традиций и величия (*dignity*) власти, сколько отражения аксиологических тенденций современности и формирования ядра позитивной репрезентации «британскости» (*Britishness*). В связи с этим интерес ученых привлекают вопросы о том, как данный ритуал приводит свое содержание и форму в соответствие с изменяющимися условиями, почему и как он сохранился, каково его назначение в обществе.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Изучение ритуальных событий, в которых культура являет себя, имеет давнюю традицию и наиболее полно представлено в научном направлении ис-

следований исполнительских практик (*performance studies*), объединяющем область социальной философии, визуальной антропологии, этологии человека, нового театроведения, дискурсологии, исторической имагологии, семиотики, семиолингвистики. Возникнув благодаря книгам Г. Бейтсона [Bateson, 1955], Дж. Остина [Austin, 1962], Э. Гофмана [Goffman, 1959] и других ученых, понятие «перформанс» трактуется довольно широко, охватывая различные формы «живой», «здесь и сейчас» социальной деятельности, которая может иметь светский или религиозный характер, быть связанной как со сценическим исполнением в искусстве театра [Schechner, 1973], так и с повседневной жизнью, «социальной драмой» [Goffman, 1959] или «обществом спектакля» [Debord, 1995].

Как социальное действие, коронационный перформанс конституируется во взаимосвязи миметических, перформативных и ритуальных составляющих [Вульф, 2009, с. 13]. Он исторически и культурно обусловлен, базируется на инкорпорированном знании, не поддается сведению исключительно к целерациональности, поскольку характеризуется аттрактивностью, экспрессивностью, фасциативностью, строится по правилам сюжетов, имеет людический, игровой, характер [Schechner, 1973, 2013; Turner, 1982; Hunt, 2008].

В качестве ритуала коронация представляет собой строго формализованный и структурированный тип деятельности, организованной в стандартизированные последовательности символических актов и совершаемой в особых местах и в определенное время, которые сами по себе наделены символическим смыслом [Kertzer, 1988, p. 9]. Ключевой характеристикой любого ритуала, по мнению ученых, является символизм: «ritual as action wrapped in a web of symbolism» [Там же] (ритуал как действие облачен в паутину символов). Стандартизированное повторяющееся действие, лишённое символических смыслов, является примером привычки или обычая, а не ритуала [Там же].

В качестве миметического процесса коронация имитационно воссоздаёт прошлое, однако предполагает не точное воспроизведение прежних, а создание новых уникальных инсценирований с учетом предшествующих, образующих прецедентный ряд. Трансформация, которой подвержен данный ритуал, — процесс, совмещающий прошлое с настоящим. Ритуалы берутся из записей о том, что происходило раньше, и корректируются в соответствии с тем, что в данный момент считается подходящим и приемлемым [Morris, 2019].

С содержательной точки зрения коронации — представления, перформансные репрезентации ценностных смыслов; символические поликодированные действия, прочитываемые как тексты, перенесенные в публичное пространство в театрализованной форме.

Синтаксический (структурный) аспект перформанса представляет собой множество сочетаний выразительных элементов коронации как синтетического произведения, упорядоченных сообразно формообразующим принципам традиции и новых включений, порождающим сюжетное целое.

Прагматическая сторона рассматриваемого действия задана его социальным функционированием. Как пишет Р. Шехнер, сегодня люди все чаще считают мир не книгой, которую нужно читать, а спектаклем, в котором нужно участвовать [Schechner, 2013, p. 25]. Перформансы в современном понимании, согласно ученому, призваны не выражать, отражать, а влиять на жизнь и вызывать ее.

Среди актуальных вопросов современной перформансологии можно назвать вопросы о том, как выстраиваются, инсценируются и исполняются те или иные формы исполнительских, в том числе ритуальных практик; каковы их знаковые средства воздействия и конструирования ценностного смысла; какова их конституирующая сила, или перформативность, то есть способность к (вос)созданию и трансформации социальной реальности. С данных позиций коронации — «инсценирования и представления социального, в которых формируется, перформативно создается общество» [Вульф, 2009, с. 20].

Как и любой ритуал, коронация в своей основе перформативна: «...all ritual has at its core a performative act» [Alexander, 2004, p. 534]. «Перформативная магия ритуальных действий возникает потому, что все верят в смысл и законность создаваемых ими условий [Вульф, 2009, с. 18]. Эта вера создается, с одной стороны, легитимностью контекста перформативного действия, с другой — экспрессивностью, гармонией и фасциативностью элементов его исполнения перед публикой. Перформанс воспринимается прежде всего на чувственном уровне, имеет остенсивный характер, направлен на генерацию интенсивных эмоций.

Для успешного перформанса характерна высокая степень фузии, «бесшовного» соединения его составляющих. Как подчеркивает Дж. Ч. Александер, в случае органичного слияния всех элементов, перформанс достигает своей цели, которая заключается в том, чтобы посредством искусного и воздействующего исполнения создать эмоциональную связь аудитории с актором и проигрываемым текстом и тем самым создать условия для проецирования культурного смысла: «The aim is to create, via skillful and affecting performance, the emotional connection of audience with actor and text and thereby to create the conditions for projecting cultural meaning from performance to audience» [Alexander, 2004, p. 547]. В противном случае действие будет казаться неаутентичным, фальшивым, а король ненастоящим.

Однако, несмотря на способность рассматриваемого ритуала заразить и увлечь публику, в современном мире мало кто верит в божественную природу королей, вера в магию помазания монарха заметна ослабла. Как пишет Ф. Янг, британский историк и фольклорист, о коронации Карла III и его супруги Камиллы, «суэта», обеспечивающая легитимность королевской власти, все чаще становится объектом уничижительной критики и обсуждается в нелестных выражениях, как, например, «церемония волшебной шляпы» (*a magic hat ceremony*), а также «средневековая» (*medieval*), «анахроничная» (*anachronistic*), «устаревшая» (*outdated*) [Young, 2023]. «Что бы ни думали в Соединенном Королевстве

и за его пределами о коронации в XXI веке, невозможно не ощутить глубокой странности этого «древнего обряда», который до сих пор проводят лишь две страны на Земле, и вторая — тихоокеанское островное государство Тонга»: «Whatever people in the United Kingdom and beyond may think of a coronation in the twenty-first century, there is no escaping the deep strangeness of this ancient rite, which only two nations on earth still perform — the other being the Pacific island nation of Tonga» [Young, 2023]. Король или королева для многих британцев — это всё равно что «пират», «русалка» или «эвок» во главе государства: «...having a queen as head of state is like having a pirate or a mermaid or Ewok as head of state» [Freyne, 2021]. В таком представлении монарх — ирреальный, неправдоподобный персонаж, художественный вымысел. Его притягательность, как заметил Джон Т. Джост, профессор психологии и политологии в Нью-Йоркском университете, объясняется непреходящей популярностью сказок, предлагающих обывателю погрузиться в мир фантазии, где возможны чудеса и счастливые концовки. В условиях стресса и неопределенности, неудовлетворенности общим состоянием социальной реальности люди могут искать утешение в историях, которые предлагают надежду и возможность для мечтаний о лучшей жизни: «... some people are simply drawn to the glamour of royalty and the fantasy that some very, very special people are living opulent, extravagant lives, and this could be a way of transcending our mundane realities... Perhaps we hope that they will protect and take care of us as a reward for our adulation? That's how it works out in fairy tales, at least» [Цит. по: Stockman, 2021] (... некоторых людей просто манят внешний лоск коронованных особ и фантазии о том, что какие-то очень, очень особенные люди живут роскошной, экстравагантной жизнью, и это может быть способом выйти за рамки нашей обыденной реальности ... Возможно, мы надеемся, что короли будут защищать и заботиться о нас в награду за наше обожание? По крайней мере, так бывает в сказках).

Сходство коронации со сказкой и другими жанрами-долготителями в культуре, ориентированными на воспроизведение традиции, заключается в том, что сообщения, передаваемые через такого рода итеративные формы, воспринимаются как ре-артикуляции ранее существовавшей социальной логики, далекой от современной реальности. Это обнаруживаемое несоответствие придает коронационному ритуалу признак фикциональности, лишая его ценной действительности как институциональной практики.

Вместе с тем ритуальные предметы и действия могут рассматриваться как арсенал средств, используемый в разные времена разными исполнителями и открытый для интерпретации, манипуляции и трансформации. Дело в том, что, как только первоначальный смысл той или иной составляющей коронации становится неактуальным, утрачивается или забывается со временем, открываются возможности для вариативности. Переосмысление, изменение набора тех или иных элементов выразительности, символических кодов, их переакценту-

ация — это способ сохранения ритуала, его адаптации к меняющейся социальной действительности.

Семиотический подход к изучению коронации позволяет связывать производство ценностного смысла с процессом, посредством которого ряд визуальных, вербальных и других знаков-стимулов побуждает ее участников или наблюдателей к определенным действиям и реакциям. Коронация, с данной позиции, рассматривается как опыт интерпретации, формируемый на различных уровнях восприятия. Ритуал переживается и обретает значение как процесс интеграции различных «презентем» [Олянич, 2007].

Одна из причин, по которой коронация сохранилась, по мнению ученых, заключается в том, что эта церемония «насыщена символизмом». Она поддается множеству, в ряде случаев, конкурирующих интерпретаций [Kertzer, 1988, p. 67; Gerholm, 1988, p. 11], что делает возможным участие в нем разных групп и достижение социальной сплоченности (*social cohesion*), или солидарности (*solidarity*) в отсутствии консенсуса, поскольку «солидарность создается людьми, действующими вместе, а не людьми, мыслящими вместе»: «Solidarity is produced by people acting together, not by people thinking together» [Kertzer, 1988, p. 76]. Ритуалы объединяют всех людей, освящая их единство и тем самым противодействуя тенденциям разобщенности, которые отравляют повседневную жизнь. Чем больше разобщенности в обществе, тем больше потребность в ритуалах для поддержания его единства [Kertzer, 1988, p. 63]. Но сила ритуала состоит не только в его многозначности. Символы могут оказывать мощное эмоциональное воздействие на людей, спланивая их несмотря на то, что каждый участник по-разному интерпретирует эти символы [Kertzer, 1988, p. 69].

Толкование, расшифровка символа — один из наиболее спорных аспектов в изучении ритуальной культуры. В фокусе последних дискуссий о коронации — не столько экзегетические (“exegetical meaning”) или операционные (“operational meaning”) значения того или иного предмета или жеста, сколько его позиционирование (“positional meaning”) во взаимосвязях с другими символами в политическом, социокультурном контекстах современности [Turner, 1970].

Исследование перформансной и ценностной составляющих ритуального события предполагает его «разборку» на комплексы символических презентем, анализ их интерпретаций и описание, позволяет проследивать устойчивость и определенную динамику изменений, потенциальную открытость ритуала к трансформациям в континууме истории языка и культуры.

Материалом исследования послужили уставные чины и записи проведенных коронаций (Блаженного Эдгара Миротлюбивого, Генриха VIII; Якова II Стюарта, Вильгельма III Оранского и Марии II Стюарт; Королевы Виктории, императрицы Индии; Карла III). В качестве источников привлекались документальный сборник английских коронаций, составленный Л. Дж. Уикхемом Леггом, официальный отчет о Делийском дарбаре 1877 года британского историка Индии и чиновника

колониальной администрации Д. Т. Уилера, аналитические труды по истории британской коронации таких ученых, как П. Э. Шрамм, Р. Стронг и другие исследователи ритуальной культуры монархии.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Ценностные аспекты иеротопосной составляющей коронации

Несмотря на переоценку роли коронации в современной Британии, исторически смысловое ядро данного ритуала составляют представления о значении освященной, приобщаемой к горнему миру, власти как ценнейшего достояния общества. Традиции сакрализации неотъемлемых качеств подлинной власти, понимаемой как дара свыше, служили религиозные пространства, предметы и священнодействия.

Иеротопосом коронации на протяжении веков является храмовое сооружение — «центр мира», где земная власть соединяется с божественной, наделяется высшими добродетелями, становится причастной благодати, даруемой через ритуал. Самое раннее свидетельство об английской коронации содержится в «Житии святого Освальда» («*Vita Sancti Oswaldi*») (около 1000 года), архиепископа Йоркского и Вустерского, написанном монахом Биртфертом из аббатства Рэмси (*Ramsey Abbey*). Согласно рукописи, в 973 году Эдгар (959—975 годы), правитель Мерсии, Нортумбрии и западных саксов, созвал духовных и светских лиц для своего коронования в собор города Бата (на границе прежних королевств Уэссекса и Мерсии). Днём, выбранным для этого события, был Праздник Пятидесятницы, традиционный день посвящения в сан священника [Strong, 2006, р. 3]. Позже, в 1043 году Эдуард Исповедник короновался в Уинчестерском соборе (*Winchester Cathedral*), древней столице англосаксонского государства [Carpenter, 1998, р. 31]. А в Рождество 1066 года, после победы над англосаксонской армией, Вильгельм (первый норманнский король Англии) переносит ритуал под своды Вестминстерского аббатства [Carpenter, 1998, р. 31]. С тех пор собственно локус коронации находится в самом сердце данного христианского сооружения, его средокрестии, и представляет собой вымощенную (по указу Генриха III в 1268 году) цветной мозаикой площадку — «театр», или «тротуар Космати» (*Cosmati Pavement*)¹. Именно в этом месте, пресвитерии аббатства, средокрестии земного и вечного, украшенном символами средневековой христианской космологии, британские короли принимали свою власть и служение от Бога через таинства миропомазания и причащения.

Однако, как в 2023 году утверждал Ф. Крэнмер, научный сотрудник колледжа Святого Чада в Дареме (St Chad's College, Durham), оценивая перспективы

¹ Для справки: Космати — принятое в искусствоведении именование мозаичистов, произошедшее от благозвучной итальянской фамилии одного из мастеров — Космы (Cosma I) — и давнее название уникальному архитектурному стилю. Косма, по мнению исследователей, не был первым, лучшим или особенным, но имел привычку указывать авторство своих работ, в том числе и реставрационных [Цыкунов, 2015, с. 112].

восприятия коронации Карла III, важно признать, что для подавляющего большинства современных британцев, мало знакомых со сложной теологической символикой литургической иеротопии и хореографии, смысл события в значительной степени опосредован ведущими телепередач и их приглашенными гостями, предпочитающими высказываться об исторических, культурных и эстетических аспектах коронации, чем о ее ключевом смыслообразующем принципе — подчинённости политической власти божественной и ответственности перед ней: «But I think we can confidently predict that the event's decisive theological meaning — the subordination of political authority to the authority of Jesus Christ, and the accountability of holders of the former to that of the latter — will get no airing at all» [Cranmer, 2023]. Более того, опасения задеть чувства той или иной части нового нехристианского британского большинства вынуждают скрывать этот теологический посыл: «Indeed, out of what they take to be necessary deference to the nation's deep pluralism of religion or belief, they will in fact need to conceal that theological meaning, for fear of offending one or other section of the new non-Christian British majority» [Cranmer, 2023].

Необходимая составляющая коронации — присутствие ключевых фигур (коронующий — первый прелат королевства (*the Archbishop of Canterbury*); епископы Дарема и Бата и другие представители духовенства; лорд верховный распорядитель (*the Lord High Steward*), лорд верховный камергер (*the Lord Great Chamberlain*), лорд верховный констебль Англии (*the Lord High Constable*), граф-маршал (*the Earl Marshal*), несущие регалии (*the carrier of the spurs, the bearers of the three swords*), почетные пажы, королевский альмонер (*the grand Almoner*), королевский чемпион (*the King's Champion*) и т. д.). Коронация предполагает, прежде всего, участие элиты — политической, религиозной и культурной, представителей аристократии, лордов старинных поместий, деятелей искусства, науки, а также лидеров гражданских объединений, приглашаемых для отражения общественного спектра. Роли, символическая расстановка действующих лиц в «мизансценах» освящают статус-кво социально-политической системы, помещая ее в контекст храма, где она предстаёт как «неоспоримая ценность»: «The social system is, as it were, removed to a mystical plane, where it figures as a system of sacred values beyond criticism or revision» [Fortes et al., 1940, p. 18]. При этом ритуал коронации используется не только для возвышения короля над другими. Он также служит для демонстрации распределения власти внутри социально-политического устройства британского мира в целом. Физическое положение субъекта относительно центрального держателя власти символически отождествляется с местом в иерархии статусов и авторитета. На коронации Карла III в первых рядах среди гостей были иностранные члены королевской семьи и представители стран, которые все еще считают британского суверена главой своих государств. Пространственный порядок ритуала, таким образом, фиксирует также сложившиеся международные отношения, внешнеполитические связи и союзы Британии.

Конституирующую роль в коронации играет именно присутствие публики, которая своим участием подтверждает значимость события. Как отмечает антрополог Т. Герхольм, уже в самой публичности заложена воздействующая сила ритуала на всех вовлеченных в него лиц, в особенности на главного участника, который является объектом внимания других. Коллективное свидетельство придает весомость продуцируемым смыслам, усиливает императивность принимаемых королем обязательств. Разворачивающееся перед публикой действие, то, что оно производит, становится более убедительным и реальным. Власть ритуала, по мнению ученого, заключается уже в самом количестве соприсутствующих наблюдателей: «... the ritual realizes a public redefinition of the initiand's status. The public focusing of attention on this redefinition is an effective measure. It works on all of those present: they see that others see. But most of all it works on the person himself who is undergoing the ritual and knowing the others to be watching. A ritual makes a message "heavy" and a pledge demanding, for it is not only an individual redefinition of the situation but a collective one. It is therefore more convincing and more "real". There is authority in the very numbers of a ritual's participant observers» [Gerholm, 1988, p. 201].

3.2. Артефактные презентемы власти монарха

Особую роль в данном действе играют предметы, наделяемые символическим содержанием. К иконическим репрезентациям ценностных смыслов относятся знаки-регалии, инсигнии власти — такие, как, например, тронное кресло св. Эдуарда (*St. Edward's Chair*) с помещенным в основание Скунским камнем, или камнем Судьбы (*the Scone Stone/the Stone of Scone, the Coronation Stone, Stone of Destiny*), ключевой составляющей церемонии инаугурации средневековых шотландских королей в Сконском дворце. В настоящее время камень хранится в Эдинбургском замке, но в течение семи столетий с момента его изыятия Эдуардом I в 1296 году (за отказ шотландцев поддержать его военные кампании во Франции и их союз с французами) он находился под королевским тронном в Вестминстере. Очевидно, что образ средневекового британского монарха, восседающего на камне Судьбы, символе шотландской государственности, служил мощным визуальным посланием о том, как Англия тех лет осмысливала свои отношения с соседним королевством.

В число коронационных регалий включены скипетр с крестом (*Sceptre with Cross*), символизирующий земную власть (*earthly power*), и скипетр, увенчанный голубем (*Sceptre with Dove*), — символ духовной власти (*spiritual authority*), проявляемой в милосердии (*mercy*) [The Coronation Liturgy..., 2023, p. 24]. К символам царского правления относится корона, прежде всего — корона Св. Эдуарда (*St Edward's Crown*), украшенная символами христианского мира — сферой и крестом. Следует заметить, что данный символ института монархии играет ключевую роль в закреплении визуального образа короля, исполняющего свою священную роль. Возлагая корону на голову монарха, архиепископ традиционно

произносит: *God crown you with a crown of glory and righteousness, that having a right faith and manifold fruit of good works, you may obtain the crown of an everlasting kingdom by the gift of him whose kingdom endureth for ever* [Bradley, 2023] (Да венчает тебя Бог венцом славы и правды, дабы, имея правую веру и умножающиеся плоды добрых дел, ты мог обрести венец вечного царства даром Того, Чье царство пребывает вовеки). Эта молитвенная формула, составление которой приписывается святителю Дунстану, охватывает три смысловых грани короны как символа власти, вручаемой по Божьей благодати (*венец правды, венец славы и венец вечного царства*), и устанавливает взаимоотношения монархом с Богом.

К регалиям традиционно относятся облачения и предметы, передаваемые субъекту власти, включая армиллы (золотые браслеты искренности и мудрости) с эмалевыми изображениями клевера, чертополоха и розы, связывающие государя с его народом обязательствами; перстень суверена (лат. *annulus*; англ. *the wedding ring of England, Sovereign's Ring*), надеваемый на безымянный палец правой руки и символизирующий королевское достоинство, а также неразрывность судеб монарха и государства; золотые шпоры — *gold spurs* (используемые в ритуале с 1189 года, со времен коронации Ричарда I, Львиное Сердце, воплощающего рыцарский идеал королевской власти в эпоху Крестовых походов), являющиеся отголоском римских императорских инаугураций и аллюзией на церемонию посвящения в рыцари.

Важнейшие атрибуты власти — церемониальные мечи: державный меч (*Sword of State*), который используется и в других событиях во время правления монарха, в частности, при открытии им заседаний парламента; меч милосердия с затупленным концом лезвия (*Sword of Mercy*), также известный как Куртана (*Curtana*); меч духовного правосудия (*Sword of Spiritual Justice*) и меч мирского правосудия (*Sword of Temporal Justice*). Особой символической нагрузкой характеризуется жертвенный меч (*Sword of Offering*), изготовленный в 1821 году для коронации Георга IV. Согласно традиции инвеституры, вручая данный предмет оружия, архиепископ передаёт монарху господню волю использовать его для защиты добра и пресечения зла: *Receive this kingly Sword. May it be to you, and to all who witness these things, a sign and symbol not of judgement, but of justice; not of might, but of mercy*. И далее: *With this sword do justice, stop the growth of iniquity, protect the holy Church of God and all people of goodwill ..., help and defend widows and orphans, restore the things that gone to decay, maintain the things that are restored, punish and reform what is amiss, and confirm what is in good order* [Gulliford, 2023]. Затем меч возвращают — архиепископ «выкупает» его у лорда-председателя совета Великобритании за 100 шиллингов — и возносят на алтарь. Данный жест означает сакрализацию светской власти и сообразование человеческой воли Божественной. Власть короля — служение (лат. *ministerium*), осуществляемое смирением и стяжаемыми им добродетелями.

Под регалиями нередко понимают и некоторые другие предметы, такие как, например, коронационная ложечка, чаша и дискос, используемые во время по-

мазания, а также ампула для хранения священного масла, перчатки, оберегающие святое миро на кистях рук монарха от всяческих прикосновений. Все эти предметы имеют глубокое символическое значение и указывают на христианскую основу церемонии и британской монархии. Их ритуальное назначение — наделение человека властью, божественной по своему источнику и содержанию.

Текстуализация данного ритуала (*Litlington Ordo*) способствовала формированию устойчивой системы эмблематических смыслов предметов и жестов, визуального словаря коронации. Изображения регалий на гравюрах начала 16 века в старопечатных книгах использовались для передачи информации о различных судьбах британских монархов. Так, Эдуард II, Ричард II и Генрих VI изображались с перевёрнутыми жезлами — знаками низложения власти, в то время как убитый узурпатор Ричард III — держащим сломанный жезл, а некоронованный Эдуард V — с короной, не касающейся его головы [Burden, 1999, p. 72—92].

Ценность королевских регалий (историческая, художественная, социальная и политическая) включает в себя символические значения, которыми общество наделяет их. Важную роль при этом играет способность предмета служить «живым свидетельством» уникальной истории, используемой в конструировании коллективной идентичности в настоящем. Значение имеют возраст объекта и те качества, которые влияют на ощущения его подлинности. Через ритуальные практики демонстрируется историческая значимость этих реликтов для общества и их принадлежность ему. Как говорят британцы, самое важное, что следует помнить о ритуале коронации, заключается в том, что он «по-настоящему невероятно древний» (*properly, mind-bogglingly ancient*). Так что, независимо от отношения к королевскому флагу, сама древность этого события должна вызывать восхищение: «So, whether you're a [royal] flag-waver or you absolutely are not, it is going to be an incredible thing to see this happen again, just because the sheer antiquity of it is something to marvel at. It is really like a bit of the past suddenly appearing in a time machine in front of us» [Addley, 2023].

Вместе с тем в ценностно-правовой плоскости сегодня находится вопрос о переосмыслении символического статуса целого ряда артефактов, в частности драгоценных камней, украшающих регалии британских монархов. Требования бывшими колониями Британской империи возвращения культурного наследия и восстановления исторической справедливости раскрывают иную сторону истории коронации.

3.3. Аксиология коронационных перформативов

Являясь ритуальным действием, коронация предполагает фиксированную последовательность речевых и телесно-символических жестов, имеющую четкие религиозные и политические цели. Поразительно, как отмечает Р. Стронг, что все сюжетные составляющие современной коронации — признание (*Recognition*), клятва (*Oath*), помазание (*Anointing*), инвеститура и увенчивание монарха короной (*Investiture and Crowning*), интронизация (*Enthronement*), причащение (*Com-*

munion), вассальная присяга королю / оммаж (*Homage*) — присутствуют и в раннем периоде ее становления. Ни один другой ритуал переопределения статуса не отличается таким долголетием. Уже поэтому, по мнению ученого, данное действие не следует легкомысленно отвергать как пустое зрелище (*insubstantial/empty pageant*) [Strong, 2006, p. 8].

Первостепенное значение в коронации придается перформативному характеру языка. Ритуал развёртывается вокруг перформативных формул, встроенных в его сценарную канву. Важную ценностно-смысловую нагрузку несут признание народом суверена и коронационная клятва (клятвенный завет пред Господом). Прагматическая структура данных актов образует обоюдное соглашение, союз между королем и народом, на основании которого церемония может разворачиваться дальше, переходить к собственно коронованию.

Признание (лат. *Recognition*) — перформатив одобрения обществом и церковью определённой персоны, который передавался ритмическими ономатетическими формулами-восклицаниями, выражающими волю (лат. *voluntas*) и согласие (лат. *consensus*) и назывался обобщенным латинским термином *acclamatio*. И в древности, и в Средние века торжественное публичное именование королем означало превращение в короля. Как поясняет Э. Х. Канторович, аккламации — не просто знаки благоговения и ритуальные здравицы (лат. *Vivat, vivat, vivat rex!*). Они обладали скрытой конституирующей силой: *acclaim* означало ‘create’, то есть создавать нового правителя и публично признавать факт его возвышения, его достоинство: «To “acclaim” meant: to “create” a new ruler and to recognize him publicly in his new dignity» [Kantorowicz 1946, p. 76—77]. Изначально, согласно ученому, это был исключительно «гражданский» или «военный» акт как в Риме, так и в Византии, а также в землях Тевтонского ордена, где народ и воины, а позднее и знатные магнаты выражали свое согласие, трижды приветствуя короля и вознося правую руку к небу. Во времена Эдгара древнегерманские боевые традиции были перенесены в стены церкви: если раньше тэны признавали своего нового конунга на поле битвы, то теперь архиепископ Кентерберийский представлял суверена собравшимся. «Возглас народа» (лат. *vox populi*) как учредительный и юридический акт был дополнен церковноправовым актом — «возгласом Церкви» (лат. *laudes* — *Vivat rex in aeternum!* — лауды, произносимые по завершению ритуала). Возгласы и само коронование, то есть возложение символа высшей политической власти на голову монарха, как и инвеститура, были включены в литургическое действие, а ношение коронационных одежд, символизирующих смирение мирской власти (рубаха из тонкого белого льна — лат. *colobium sindonis*) и великолепие духовной (верхняя туника — лат. *supertunica*, стихарь из золотой парчи, или королевская риза — лат. *pallium regale*) подчинено церковному церемониалу [Там же]. Коронование вобрало черты богослужебного чинопослдования, обрело структуру, сходную с чином поставления епископа.

Сегодня *признание* как часть коронации происходит в начале торжественного действия и включает в себя жест самопредъявления (лат. *pronuntiatio*) сувере-

на собравшимся, осуществляемый поворотами наследственного государя на четыре стороны (север, юг, восток и запад), после каждого из которых поочередно архиепископ Кентерберийский, леди шотландского ордена Чертополоха (*a Lady of the Thistle*), председатель Ассоциации Креста Виктории и Георгиевского креста (*Chair of the Victoria Cross & George Cross Association*), леди ордена Подвязки (*a Lady of the Garter*) объявляют его «несомненным королем» (*undoubted King*) и спрашивают у присутствующих, готовы ли они к своей роли: *I here present unto you King Charles, your undoubted King. Wherefore all you who are come this day to do your homage and service, are you willing to do the same?* в ответ собравшиеся произносят: *God save King Charles* — Боже, храни короля! [The Coronation Liturgy ..., 2023, p. 4].

К ключевым перформативам рассматриваемого ритуала наряду с признанием относится, клятва (лат. *promissio regis*), связывающая короля непреложными обязательствами перед Богом. Произнесение клятвы означает приобретение вместе с положением сопутствующих ему обязательств и помещает иницилируемого в контекст доверия и соответствия вверяемой роли.

Во времена Эдгара клятва представляла собой письменный документ, вручаемый королю и возлагаемый им на алтарь, и включала три обета (лат. *tria praecepta*, англ. *three pledges*): сохранение христианского мира (*that the Church of God and all Christian people preserve peace at all times* — что Церковь Божия и весь христианский народ будут хранить мир во все времена), пресечение стяжательства и всякого злоупотребления (*that he forbid rapacity and all iniquities to all degrees*), а также справедливый, беспристрастный и милосердный суд (*that in all judgments he enjoin equity and mercy*) [Strong, 2006, p. 4]. Таким образом, власть монарха в Англии изначально была обусловлена верностью трём обещаниям, актам добродетели. Заметим, что возложению клятвы предшествовал заимствованный из текстов Ветхого Завета жест смиренного поклонения, благоговения и преданности Богу (*humble adoration*), выражаемый в падении ниц (на лицо) и распростертия перед алтарем. Этот христианский обычай повергаться на землю означал не только Богопочтение, но и отрешение короля от прежнего «Я», символическую смерть перед перерождением в новом статусе как *rex dei gratia* (короля милостью Божьей) и *vicarius dei* (наместника Бога): «The prostration of the King at the outset of the rite signals the annihilation of the initiate in preparation for a *promissio regis*» [Strong, 2006]. Ключевой смысловой доминантой английских коронаций стала идея преобразования (*re-birth*) короля. Эта трансформация обусловлена его клятвой и особым воздействием Божественной благодати на суверена.

Впоследствии клятва Эдгара как прецедентный текст претерпела ряд изменений. В «*Liber regalis*» («Королевская книга», XIV век) она приняла форму вопросов архиепископа и ответных реплик короля и была закреплена ближе к началу церемонии. Поскольку клятва отражает представления общества о статусе короля и его роли в обществе, сущности и пределах его власти, то и ее содержание не могло не меняться со временем.

История трансформаций коронационной клятвы и их толкований вытравливалась вокруг осмысления границ между мирской и духовной составляющих власти суверена, а также самой (не)возможности ее ограничений. Так, к началу 1530-х годов (спустя более 20 лет после своего коронования вместе с Екатериной Арагонской) для будущих своих преемников Генрих VIII внес в текст клятвы оговорку, согласно которой монарх обязан соблюдать законы и установленные обычаи своего королевства, в случае если они не наносят ущерба его короне или императорской юрисдикции и приняты с его согласия (EMnE. *not prejudiciall to hys crowne or Imperiall Juris[diction] to his power /kepe them and affirme them [... which the noblys and people haue made and chosen wth hys consent*] [English coronation records, 1901, p. 241]). Данные изменения ставили монарха и его будущих наследников выше закона и обладали мощной перформативной силой влияния на социально-политический контекст.

Однако XVII век ознаменовался развитием конституционных форм британской монархии, в которых ее власть уравнивалась властью суверенного парламента. В 1688 году акт об установлении коронационной присяги (An Act for establishing the Coronation Oath), принятый парламентом перед коронацией Вильгельма III Оранского и Марии II Стюарт, содержал формулировки, обязывающие монархов управлять королевством и его доминионами в соответствии со статутами, одобренными в парламенте, и законами и обычаями империи (Archbishop: *Will you solemnly promise and Swear to govern the People of this Kingdome of England, and the Dominions thereto belonging, according to the Statutes in Parliament agreed on, and ye Laws and Customs of ye same?* — King and Queen: *I solemnly promise so to do*) [English coronation records ..., 1901, p. 326]. Кроме этого, в отличие от своих предшественников, которые клялись поддерживать истинное исповедание Евангелия, установленное в королевстве и соответствующее прерогативе его королей и старинным обычаям (Archbishop: *SIR, Will You Grant and Keep, and by Your Oath Confirm to ye People of England ... ye True Profession of ye Gospel Established in this Kingdom, and agreeing to ye Prerogative of ye Kings thereof, and ye Antient Customs of ye Realm?* [Coronation Order of James II ..., 1901, p. 296]), монархический дуэт (королевская супружеская пара) обещал всей силой своей власти поддерживать божественные законы, истинное вероисповедание Евангелия и протестантскую реформированную религию, установленную законом (Archbishop: *Will you to the Utmost of yor Power maintain the Laws of God, the true Profession of ye Gospell and the Protestant Reformed Religion Established by Law* — King and Queen: *All this I promise to do*) [English coronation records ..., 1901, p. 326].

Но один компонент клятвы, восходящий к самым ранним временам, остался по своему содержанию неизменным, требуя от короля уподобления Богу в его качествах, проявления милосердия (*mercy* в значении ‘clemency’) и справедливости (*justice*), сохранения баланса между ними и вершения правосудия (Archbishop:

Will you to your power cause law and justice, in mercy, to be executed in all your judgments? King and Queen: *I will* [English coronation records ..., 1901, p. 326]). При этом следует согласиться, что милосердие выходит за рамки закона и является частью монархической прерогативы [Польской, 2023, с. 337], хотя сам термин *prerogative of the Kings* исчез из фразеологии коронационной клятвы.

Традиционно клятва монарха завершается закрепляющим ее комиссивом (*The things which I have here before promised, I will perform and keep* — *То, что я обещал здесь прежде, я исполню и сохранию*) и оптативом, то есть речевой формулой благопожелания самому себе, содержащей непрямую апелляцию к поддержке свыше, без которой король не мог успешно исполнить принимаемые на себя обязательства (*so help Me God* — *да поможет мне Бог*). Это пожелание — отголосок древнеримских клятв и ветхозаветного обета. Согласно исследованиям, обет древних евреев строился по формуле: «Если Ты (Бог) сделаешь р1, то я совершу р2» [Карабыков, 2010, с. 31—32] — и содержал понуждение высшей силы к действию, создавая ложное впечатление договора мены, взаимности действий равных субъектов. Однако отношения человека с Богом не предполагают взаимных обязательств; их основу составляют исключительно благодарность и стремление снискать Его благоволение. Обет короля, таким образом, служит поддержкой в богоугодных, добродетельных действиях, и его нарушение влечет неблагоприятные последствия, что побуждает субъекта власти оставаться верным своим словам. Произнесение клятвы сопровождается жестами — возложением руки на Евангелие (*the sword of the Spirit*) и целованием священной книги о земной жизни Иисуса Христа.

3.4. Сохранение и модернизация ценностно-концептуального ядра коронационных актов

Следует заметить, что формулировка коронационной клятвы может варьироваться в зависимости от меняющихся идеологических контекстов истории. Однако на протяжении последующих после коронации Вильгельма и Марии столетий тексты клятв демонстрируют определенное сходство посланий, которые британские монархи стремились передать своим подданным. При своей очевидной преемственности декларируемые правовые и религиозные принципы, подстраиваясь под идеологические контексты эпох, включали и некоторые дополнения, стремясь представить правление Короны в наиболее благоприятном свете.

Так, в 2023 году наряду с обетом «защитить Реформированную Протестантскую Религию» (*true Reformed Protestant Religion*), выраженную в учении Церкви Англии, Карл III определял себя как «защитник вер» и многоконфессионального общества. К преамбуле коронационной присяги был добавлен декларатив, согласно которому Англиканская церковь «стремится к созданию среды, в которой люди всех вероисповеданий и убеждений могут жить свободно» (*seek to foster an environment in which people of all faiths and beliefs may live freely*) [The Coronation Liturgy ..., 2023, p. 7]. Соответственно, в качестве участников коронации

Карла III были приглашены примас католической Церкви Англии и Уэльса и религиозные лидеры, представляющие буддийскую, индуистскую, иудейскую, мусульманскую и сикхскую общины в Великобритании. Совместно произнесенная ими после коронавания Карла речь декларировала ценностные начала «соседства вер» и служения «общему благу» (лат. *summum Bonum*, англ. *common good*): *Your Majesty, as neighbours in faith, we acknowledge the value of public service. We unite with people of all faiths and beliefs in thanksgiving, and in service with you for the common good* [The Coronation Liturgy..., 2023, p. 41]. Следует упомянуть также об использовании валлийского, гэльского и ирландского языков в коронационной литургии. Великобритания, таким образом, позиционируется как «сообщество сообществ», долг монарха в котором — защита многообразия.

Критики коронации отмечают, что этим нововведениям, отвечающим духу времени, отведено скромное место «на полях» ритуального текста, а приглашенным представителям этнических, религиозных и других сообществ — преимущественно роль статистов массовых сцен. Более того, декларируемые клятвой ценностные принципы, по мнению ученых, не являются беспрецедентными. Так, недавние исследования [Ollikainen-Read, 2023] подчеркивают определенное сходство между коронацией короля Карла III и делийским дарбаром (на котором 1 января 1877 года королева Виктория — *Victoria, by the Grace of God, of the United Kingdom of Great Britain and Ireland, Queen, Defender of the Faith* — была провозглашена императрицей Индии — лат. *Indie Imperatrix*, англ. *Empress of India*) в аспекте проявлений «умной силы» политического контроля территорий, направленной на формирование лояльности и верноподданнических чувств (во втором случае — у влиятельных индийских кланов к Британской Короне. Вице-король, лорд Литтон произнёс перед представителями крупнейших из княжеств Индии того периода речь, в которой подчеркнул выполнение обещаний императрицы, данных ею в прокламации от 1 ноября 1858 года, а именно — поддержание «справедливой формы правления», направленной на защиту целостности, присущей культурному и религиозному разнообразию народов Индии (общиндийской политики), а также на их «прогрессивное процветание». Согласно прокламации, английская королева провозглашала себя покровительницей религий Индостана и отказ Британской империи от христианского прозелитизма: *Firmly relying ourselves on the truth of Christianity, and acknowledging with gratitude the solace of religion, we disclaim alike the right and the desire to impose our convictions on any of our subjects...* [Goldstücker, 1879, p. 3] (*Твердо полагаясь на истинность христианства и признавая силу даруемого религией благодатного утешения, мы отказываемся как от права, так и от желания навязывать свои убеждения любому из наших подданных...*)).

Наряду с ценностью свободы вероисповеданий этическую основу декларируемого подхода Короны и Британии к миру и сегодня составляет принцип управления народами, «царствами и территориями» в соответствии с их законами и обы-

чаями: ... *to govern the Peoples of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, your other Realms and the Territories to any of them belonging or pertaining, according to their respective laws and customs* [The Coronation Liturgy ..., 2023, p. 7].

Как в XXI, так и в XIX веке британские монархи на словах не посягают ни на чьи веру и культуру: *We know, and respect, the feelings of attachment with which the natives of India regard the lands inherited by them from their ancestors, and we desire to protect them in all rights connected therewith ... and we will that generally, in framing and administering the law, due regard be paid to the ancient rights, usages, and customs of India* [Goldstücker, 1879, p. 3] (*Мы знаем и уважаем чувства привязанности, с которыми коренные жители Индии относятся к землям, унаследованным ими от предков, и мы желаем защитить их во всех связанных с этим правах... и мы хотим, чтобы в целом при разработке и применении законов должным образом учитывались древние права, обычаи и традиции Индии*).

Вместе с тем следует заметить, что эпоха Раджа, когда сложилась своеобразная смешанная культура колониального общества, привела к постепенному отчуждению Индии от собственной духовной самобытности и формированию менталитета подчинённого компрадора. Как свидетельствует история, «мягкая сила» британцев (сопрягаемая с «жесткой силой») на управляемых ими территориях перерастала в культурную гегемонию завоевателей, вела к растворению и исчезновению культур автохтонных этносов. Следует признать предприимчивость резидентов в использовании локальных традиций и поведенческих идиом в качестве привычных для местного взгляда форм легитимации своей власти и продвижения собственных интересов. Так, например, радикальной ресемантизации подверглись придворные ритуалы Могольского султаната, в частности, практики преподнесения правителю ценных подношений (*назр, пешкаш*), а также раздача им золотошвейных предметов одежды (*хилат*), которые жаловались представителям знати при назначении на должность. При Моголах и других индийских правителях эти ритуальные акты устанавливали отношения приятия между дарителем и получателем и служили инструментом интеграции индийских патримоний в единое политическое целое. Это включение было основано на идее, что верховный субъект власти олицетворяет собой систему правления, объединяющую в свое тело людей, разделяющих его политическую власть и скрепляемых ею. Тело правителя, таким образом, метонимически растягивалось на политическое сообщество, а государство концептуализировалось как антропоморфная соединяющая сила. Даруемые предметы, наделяемые сакральными смыслами, следовало хранить, передавать из поколения в поколение и выставлять напоказ по особым случаям. Однако, как пишет профессор Бернارد С. Кон, специалист в области колониального дискурса и автор теории «изобретение традиции», британцы, присвоив данные ритуалы, рассматривали их как формы обмена, целесообразные с точки зрения рыночной экономической рациональности. В отличие от индийцев, они повторно использовали полученные дары либо напрямую, переда-

вая одному индийцу то, что было получено от другого, либо косвенно, продавая полученные вещи на аукционе в Калькутте и используя вырученные средства для покупки новых предметов. Британцы всегда старались уравнивать в экономическом отношении то, что они давали и получали, инструктируя индийцев о точной стоимости предметов или монет, которые им разрешалось преподносить в качестве «платы» за жалюемые новой властью права и привилегии [Cohn, 2000, p. 171].

Контроль над придворным ритуалом привел к распадению общиндийской конструкции властеустройства, десаκραлизации отношений между правителем и подданными, к их формально-рациональной организации. Британия понимала свою власть в Индии прежде всего как преобразующую социально-экономическую силу, подкрепляемую военной.

По замечанию Б. С. Кона, историческая основа британской власти в Индии была создана «милостью Провидения» (*by the blessing of Providence*), призвавшего Корону заменить и улучшить правление, которое «перестало способствовать прогрессу Востока» (*had ceased to be conducive of the progress of the East*). Согласно речи Литтона, под британским правлением все «вероисповедания и расы» (*all creeds and races*) были защищены и направляемы сильной рукой имперской власти (*were protected and guided by the strong hand of Imperial power*) к стремительному развитию и процветанию (*to rapid advance and increasing prosperity*) [Cohn, 2000, p. 205].

Следует отметить жизнестойкость идейных оснований, лежащих в основе политики колониальных захватов Британии и ее внешней экспансии, их гибкость, позволяющую интегрироваться в новые контексты и адаптироваться к реалиям меняющегося мира. Способность преодолевать культурную замкнутость и добиваться расположения основывается на обобщенных представлениях (о свободе, счастье и процветании общества, заботе о благе тех, кто находится под опекой британского монарха), формирующих позитивное и вариабельное смысловое поле и экспортируемых посредством ярких визуальных образов и декларативов, вовлекая в зону своего влияния объекты спасательной, цивилизующей миссии империи. Приведем приветственные слова Виктории, переданные через ее наместника всем собравшимся в Дели по случаю ее заочного коронавания: *We trust that the present occasion may tend to unite in bonds of close affection ourselves and our subjects; that from the highest to the humblest, all may feel that under our rule the great principles of liberty, equity, and justice are secured to them* [Wheeler, 2018, p. 87] (*Мы надеемся, что нынешняя ситуация будет способствовать объединению нас самих и наших подданных узами тесной привязанности; что от самых высоких до самых смиренных, все почувствуют, что под нашим правлением им гарантированы великие принципы свободы, равенства и справедливости*).

Вместе с тем, как отмечает профессор М. В. Ильин, такие концепты, как СВОБОДА, ПРАВО, ВЛАСТЬ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, нашедшие воплощение в политическом дискурсе, подвержены «энантиосемическому раздвоению»

[Ильин, 1997]. Так, например, по его утверждению, смысловое развитие концепта LIBERTY отталкивается от логики манумиссии (от лат. *manu missio*, ‘выпустить из рук’), римского юридического акта, который предполагал «постепенное освобождение раба путем поэтапной замены рабской природы началами гражданства». Дальнейшее, в том числе современное, употребление данной лексемы имплицитно предполагает, что «есть, не может не быть контролирующей руки — либеральной в смысле древней либеральности-покровительства свободных своим рабам и клиентам, — которая дозирует меру и степень приобщения гражданина западных политий, брошенного в нивелирующую (стандартизирующую) стихию массового гражданского общества, к благам патерналистски даруемой свободы» [Ильин, 1997, с. 69]. Наряду с «нисходящей к гражданину и выделяющей его как вольноотпущенника **свободой вне и от** (*liberty*) жива иная **свобода в и для** (*freedom*), соединяющая людей друг с другом в гражданских инициативах и группах интересов «с целью совершенно по-новому осваивать, делать своим и мирным пространство политики» [Ильин, 1997, с. 69]. Слово *freedom*, как правило, употребляется применительно к отношениям с «подобными себе» (свобода возникает и реализуется только в пространстве отношений между людьми, признающими друг друга равными).

Индия после обретения своей независимости (14 августа 1947 года) возродилась на протяжении более 70 лет, стирая следы колониального рабства и символы британской власти, вплетенные в геокультурное пространство страны, дизайн монет, почтовых конвертов и уклад жизни общества. Как отмечает политик и писатель П. К. Варма, сегодня в этой стране, некогда называемой британцами «ярчайшей драгоценностью в короне его величества», «жемчужиной империи», королевская семья вызывает мало интереса. П. К. Варма призывает избавиться от стереотипного образа бывшей колонии, прикованной к телевизионным экранам, неотрывно наблюдающей за коронацией британского принца. Этот образ, по его мнению, уже не соответствует действительности: «This notion needs to be removed, that here is a former colony riveted to the television watching the coronation of Prince Charles. I don't think this is happening in India» [Hui, 2023].

С данной позиции устремления современной Британии восстановить ее «естественную и историческую роль» как предприимчивой, ориентированной на внешний мир страны [Global Britain ..., 2021] воспринимаются рядом стран как продолжение прежних отношений в обновленных форматах политики расчета, вуалирующих имперское прошлое островной державы. В контексте коронации 2023 года самопозиционирование Великобритании — ее интерес к оживлению своих «исторических связей» — символически выражено в предложении о том, чтобы жители стран Содружества, главой которых по-прежнему является британский монарх, принесли личную присягу верности Карлу III, присоединившись к хоровому оммажу всех желающих новому королю: All: *I swear that I will pay true allegiance to Your Majesty, and to your heirs and successors according to law.*

So help me God [The Coronation Liturgy ..., 2023, p. 28] (Все вместе: *клянусь, что буду хранить истинную верность Вашему Величеству, а также Вашим наследникам и преемникам в соответствии с законом. Да поможет мне Бог*). Это предложение, означающее символическое утверждение бывшими доминионами статуса подданных чужеземного короля (символа Британской империи, а также связанных с ней идей и практик угнетения народов), послужило поводом для множества протестных заявлений и акций, поскольку, как отмечают ученые, именно посредством ритуалов люди символизируют систему социально одобряемых, «правильных» отношений между странами, индивидуумами и группами [Wellings et al., 2025].

С данных позиций современная коронация воспринимается как ритуальное закрепление исторической преемственности британского влияния, имплицитно связывая современный статус короля с эпохой власти империи над «царствами и территориями», завоеванными в результате многовековой колониальной экспансии, эксплуатации и присвоения собственности коренных народов большей части Америки, Африки и Океании, включающей Австралию и материк в Тихом океане. Только по официальным данным в период с 1640 по 1807 годы Великобритания перевезла около 3,2 миллиона африканских пленников (из которых примерно 2,7 миллиона выжили и смогли высадиться на берег) в Карибский бассейн, Бразилию, Северную и Южную Америку. Из этого общего числа около 1 миллиона прибыли на Ямайку и в другие страны [Newman, 2023]. Средство устранения последствий исторических несправедливостей видится общественными лидерами пострадавших народов [ARM, 2023] в разработке масштабных программ компенсационных мер со стороны Британии, а также в выстраивании диалога между бывшими колониями и метрополией на основе консенсусного видения общего прошлого и преодоления политики забвения, в выработке единых подходов к публичному представлению памяти в новых политических и исторических нарративах.

4. Заключение = Conclusions

Сохранение британской коронации уникально. Ни одна другая европейская страна не экспонирует таким способом свои многовековые регалии власти — короны, скипетры и экипажи. Но, как заметила профессор литературы и истории университета Саутгемптона А. Хант, по иронии судьбы, сила такого зрелища отчасти проистекает из осознания того, что оно может исчезнуть, подобно эфемерному спектаклю иллюзий. И поскольку реальная королевская власть угасла, кажется, нет ничего плохого в том, чтобы насладиться театром, стать свидетелем драматизации прошлого и соприкоснуться с древним желанием создавать и короновать королей [Hunt, 2023].

Вместе с тем довольствование созерцанием древнего ритуала — не единственная причина его воспроизведения. Данная форма символического представления власти, ее пышной демонстрации служит мощным инструментом

построения политической реальности в контексте современности. Как заметил М. А. Бойцов, доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории НИУ ВШЭ, при коронации происходит не просто возвышение короля, но и связывание его системой определенных обязательств с той элитой, которая участвует в этом действии. Как подчеркивает ученый, дело не только в том, что государь приносит коронационную клятву, но и в том, что разные группы общества должны быть согласны участвовать в этой церемонии, выполнять свои функции. Тем самым коронация становится формой социального, культурного и политического договора между монархом и политической элитой [Бойцов, 2014]. В силу этого коронация подтверждает легитимность политического устройства, которое утвердилось на протяжении истории и позиционируется как наилучшее для британского общества. Пользуясь образным выражением Ги Дебора, коронация — это «речь, которую современный строй ведет о самом себе, его хвалебный монолог» (*monologue of self-praise*) [Debor, 1995, p. 19 (24)]. Долговечность коронации основана на ее способности демонстрировать преемственность и стабильность ценностных идеалов, выработанных предшествующим опытом политической культуры. В ритуале коронации выстраивается взаимоотношение между актуальной современностью и историческим прошлым Британии. Для специалистов в области лингвистики важны ценностно-смысловые слои, сохраненные в концептуальной истории ритуала. Можно выделить набор когерентных ценностей и идеологем, являющихся квинтэссенцией британской политической культуры и мировоззрения, эксплицируемых посредством символических презентем. Роль монархии, особенно сегодня, когда она утратила прежнюю политическую власть, заключается в олицетворении приверженности этим ценностям (социал-демократии, верховенства права, справедливости, свободы и т. п.) в их обусловленном англосаксонской культурой понимании.

Трансформационные преобразования предполагают сохранение и согласование ценностно-смыслового ядра, устойчивых глубинных аксиологем с концентрирующимися на поверхности актуальными смысловыми наслоениями и модернизациями, отражающими изменения социальной реальности. Бинарная оппозиция современности и прошлого решается в логике взаимодополнения. В случаях усматриваемой противоречивости, противоречия актуальных смыслов и продвигаемого ценностного ядра, изменяется отношение тех или иных социальных групп к монархии как политическому институту, проявляемое в недоверии к нему и призывах к его отмене.

Сегодня невозможно говорить о некоем едином, для всех одинаковом значении данного действия, разыгрываемого перед публикой. Скорее можно говорить о степени совместимости замысла его создателей и интерпретаций наблюдателей, поскольку коронация с течением времени неизбежно приобретает новые значения в новых контекстах. Такая совместимость является необходимым условием жизнестойкости ритуала.

В эпоху современного религиозного ренессанса актуальным представляется акцентуация исконного теологического смысла коронации. Риторика перформанса сформирована на основе сакральных текстов, адаптируемых для восприятия современников, раскрывает религиозные истоки ритуала и влияние христианской этики на становление государственной власти, ее институтов и политической культуры Британии. С данной позиции, рассматриваемый ритуал направлен на сохранение христианского цивилизационно-культурного наследия и переутверждение протестантской идентичности в качестве доминантной, несмотря на ее малое место в картине многоконфессионального состава населения современной Великобритании.

В то же время в целях своего выживания данный ритуал вынужден демонстрировать адаптацию традиционных религиозных и политических институтов к новым условиям, становиться реципиентом новых религиозных и секулярных воззрений, отражающих многоликость британской нации и инклюзивность национальной идентичности.

Эффективность коронации как политического инструмента консолидации разнородного общества вокруг субъекта власти невозможна, если ритуал не привлекает внимание и не вызывает интерес. По этой причине, как считают ученые, язык власти дополняется невербальными аффективными призывами, аналогично тому, как мы дополняем слова «Иди сюда» (*Come here*) жестами рук [Nayaakawa, 1947, p. 80]. Коронация использует широкое разнообразие невербальных «аффективных призывов», включая ритм литаний, облачения ключевых фигур, запах мира, хоровое пение, звон колоколов, массовые развлечения. Как утверждал С. Хаякава, если мы хотим, чтобы люди делали определённые вещи и нам нет дела до того, почему они их делают, аффективные призывы необходимы: «... if we want people to do certain things and are in different as to why they do them, then no affective appeals are excluded» [Nayaakawa, 1947, p. 80]. Коронация привлекает прежде всего своей визуальностью.

Распространенным является мнение, что связь между коронационным перформансом и смыслами, содержащимися в священных текстах, перестала быть необходимой. Целью ритуала является не столько передача содержания, сколько воздействие на зрителей, роль которых сводится к лишь наслаждению созерцанием зрелища. В таком случае жесты, предметы и речь перестают выполнять функцию семиозиса. Как писал Ги Дебор, зрелищный дискурс намеренно замалчивает все, что ему не подходит, и изолирует то, что показывает, от контекста, прошлого, намерений и последствий [Debor, 1998, p. 28]. Однако самое важное, как настаивал ученый, — это наиболее скрытое, поэтому задача лингвистического изучения коронации заключается в осмыслении ее ценностных пластов, процессов сохранения и модернизации ее концептуального ядра, сложившихся и актуальных сегодня интерпретаций данного действия, которые обеспечивают или ставят под сомнение его выживание, актуальность его воспроизведения в контексте современности. Сегод-

ня коронация характеризуется большей секулярной адаптацией и ценностно-культурной эклектичностью, участием в ней множества разных голосов, что, однако, по мере их усиления, ведет к вытеснению исконных смыслов и неосемантизации ритуала, а в перспективе — к разрушению традиции. Заметим, что содержательное опустошение и новое наполнение ритуальных форм локальных культур, используемое британцами в качестве стратегического приема «мягкой силы» глобальной аксиологической экспансии, в данном случае может сработать инверсивно, в направлении собственной культуры «изобретателей традиций».

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
--	--

Источники и принятые сокращения

1. *Бойцов М. А.* Коронация в средневековой Европе [Электронный ресурс] / М. А. Бойцов // ПостНаука. — 2014. — Режим доступа : <https://postnauka.org/> (дата обращения 07.02.2026).
2. *Addley E.* How coronation of King Charles will revive some of oldest British rituals [Electronic resource] / E. Addley // The Guardian. — May 5. — 2023. — Access mode : <https://www.theguardian.com/uk-news/> (accessed 08.02.2026).
3. *ARM — Apology, Reparation, and Repatriation of Artefacts and Remains.* Joint Statement by First Nations, Indigenous Peoples, and Advocacy Groups of 12 Countries with the British Monarch as Head of State, on the occasion of the Coronation of King Charles III, May 6th 2023 [Electronic resource] // The Australian Republic Movement. — May 4, 2023. — Access mode : <https://republic.org.au/apology> (accessed 07.02.2026).
4. *Bradley I.* The seen and the unseen of the coronation regalia [Electronic resource] / I. Bradley // Seen & Unseen : Christian podcast. — May 4, 2023. — Access mode : <https://www.seenandunseen.com/> (accessed 12.02.2026).
5. *Burnard T.* As a historian of slavery, I know just how much the royal family has to answer for in Jamaica [Electronic resource] / T. Burnard // The Gardien. — March 25, 2022. — Access mode : <https://www.theguardian.com/commentisfree/> (accessed 08.02.2026).
6. *Cranmer F.* Lost in transmission — on not romanticising the Coronation [Electronic resource] / F. Cranmer // Law & Religion UK: Issues of law and religion in the United Kingdom — with occasional forays further afield. — April 4, 2023. — Access mode : <https://lawandreligionuk.com/> (accessed 08.02.2026).
7. *English coronation records* / Edited by L. G. Wickham, B. A. Legg. — Westminster : Constable & Co. Ltd., Whitehall Gardens, S.W., 1901. — 413 p.
8. *Ferguson D.* ‘Obscene’: Anger after cost of King Charles’s coronation revealed [Electronic resource] / D. Ferguson // The Gradian. — November 21, 2024. — Access mode : <https://www.theguardian.com/uk-news/> (accessed 10.02.2026).
9. *Gianoutsos J.* To What Should He Swear? Coronation Oaths and King Charles III [Electronic resource] / J. Gianoutsos // The North American Conference on British Studies (NACBS): post. — April 27, 2023. — Access mode : <https://www.nacbs.org/> (accessed 08.02.2026).
10. *Global Britain* in a competitive age. The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy Presented to Parliament by the Prime Minister by Command of Her Majesty. — UK : the APS Group, 2021. — 111 p.

11. *Gulliford W.* Coronation rite imbued with ancient symbolism [Electronic resource] / W. Gulliford // Church Times. — May 5, 2023. — Access mode : <https://www.churchtimes.co.uk/> (accessed 08.11.2025).
12. *Hazell R.* Fourteen things you might want to know about the coronation [Electronic resource] / R. Hazell, B. Morris // The Constitution Unit Blog. — April 25, 2023. — Access mode : <https://constitution-unit.com/> (accessed 10.02.2026).
13. *Hui S.* King Charles' coronation draws apathy, criticism in former colonies [Electronic resource] / S. Hui, J. Myers Jr, K. Pathi // Sahan Journal, Associated Press. — May 5, 2023. — Access mode : <https://sahanjournal.com/> (accessed 10.02.2026).
14. *Laughland O.* 'Colonialism lingers': Belize shrugs off coronation amid calls for reparations [Electronic resource] / O. Laughland // The Guardian. — May 4, 2023. — Access mode : <https://www.theguardian.com/> (accessed 08.02.2026).
15. *Morris B.* What are coronations for? [Electronic resource] / Dr B. Morris // The Constitution Unit Blog. — January 29, 2019. — Access mode : <https://constitution-unit.com> (accessed 07.02.2026).
16. *Newman B.* Slavery, Restorative Justice, and the Coronation of Charles III [Electronic resource] / B. Newman // NACBS. — April 13, 2023. — Access mode : <https://www.nacbs.org/post/> (accessed 10.02.2026).
17. *Ollikainen-Read E. K.* Coronations and Colonial Control [Electronic resource] / E. K. Ollikainen-Read // Max Planck Law Perspectives, 2023. — Access mode : <https://law.mpg.de> (accessed 08.02.2026).
18. *Ott H.* King Charles urged to acknowledge Britain's "legacy of genocide and colonization" on coronation day [Electronic resource] / H. Ott // CBS News. — May 4, 2023. — Access mode : <https://www.cbsnews.com/news/> (accessed 08.02.2026).
19. *Spangler J.* Modernising the monarchy : how will the coronation borrow from history, while looking ahead to the future? [Electronic resource] / J. Spangler // Manchester Metropolitan University news and events. — May 4, 2024. — Access mode : <https://www.mmu.ac.uk/> (accessed 08.02.2026).
20. *Stockman F.* Why Are We So Obsessed with Royalty? [Electronic resource] / F. Stockman // The New York Times. — March 9, 2021. — Access mode : <https://www.nytimes.com/> (accessed 10.02.2026).
21. The Coronation Liturgy ... — *The Authorised Liturgy for the Coronation Rite of His Majesty King Charles III* [with commentary] / The Church of England. — London : Church House Publishing (The official publisher of the Archbishops' Council), 2023. — 41 p.
22. *Wheeler J. T.* The History of the Imperial Assemblage at Delhi held on the 1st January 1877 / J. T. Wheeler. — London : Longmans, 2018. — 248 p.
23. *Young F.* The Ancient Royal Magic of the Coronation [Electronic resource] / F. Young // First Things : Journal of Religion and Public Life. — May 5, 2023. — Access mode : <https://firstthings.com/> (accessed 18.02.2026).

Литература

1. Вульф К. К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал / К. Вульф. — Санкт-Петербург : Интерсоцис, 2009. — 164 с. — ISBN 978-5-94348-050-8.
2. *Дженкинс С.* Краткая история Англии / С. Дженкинс. — Москва : КоЛибри. Азбука-Ай-тикус, 2019. — 416 с. — ISBN 978-5-389-07036-3.
3. *Ильин М. В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий / М. В. Ильин. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. — 432 с.
4. *Карабыков А. В.* Система сакральных перформативов и их роль в культуре и жизни Рима I в. до н. э. — I в. н. э. / А. В. Карабыков // Вестник томского государственного университета. — Филология. — 2010. — № 3 (11). — С. 26—40.
5. *Олянич А. В.* Презентационная теория дискурса : монография / А. В. Олянич. — Москва : Гнозис, 2007. — 407 с. — ISBN 5-7333-0184-8.

6. Польской С. Clementia Augustae : милосердие и «нелепый обет» императрицы / С. Польской // Новое литературное обозрение. — 2023. — Т. 184. — № 6. — С. 329—351. — DOI: 10.53953/08696365_2023_184_6_329.
7. Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности / Э. Фишер-Лихте. — Москва : Play&Play : Канон-плюс, 2015. — 375 с. — ISBN 978-5-88373-443-3.
8. Цыкунов И. В. Рождение стиля косматеско : Византия, Древняя Русь и Средневековая Италия / И. В. Цыкунов // Язык и текст. — 2015. — Т. 2. — № 4. — DOI:10.17759/langt.2015020411.
9. Alexander J. C. Cultural Pragmatics : Social Performance between Ritual and Strategy / J. C. Alexander // Sociological Theory. — 2004. — Vol. 22. — № 4. — Pp. 527—573.
10. Austin J. L. How to Do Things with Words. The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955 / J. L. Austin. — Oxford : Clarendon Press, 1962. — 166 p.
11. Bagehot W. The English Constitution / W. Bagehot. — London : Kegan Paul, Trench & CO, 1888. — 378 p.
12. Bateson G. A Theory of Play and Fantasy ; a report on theoretical aspects of the project for study of the role of paradoxes of abstraction in communication / G. Bateson // Approaches to the Study of Human Personality. — 1955. — № 2. — Pp. 39—51.
13. Blackstone W. Commentaries on the Laws of England / W. Blackstone. — Chicago : University of Chicago Press (Facsimile of 1765—1769), 2002. — 496 p.
14. Burden J. F. Rituals of Royalty : Prescription, Politics and Practice in English Coronation and Royal Funeral Rituals c. 1327 to c. 1485 : A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy in Medieval Studies / J. F. Burden. — York : University of York, Centre for Medieval Studies, 1999. — 182 p.
15. Carpenter D. The Westminster Abbey / D. Carpenter. — London : Harper, 1998. — 48 p.
16. Cohn B. S. Representing Authority in Victorian India / B. S. Cohn // The Invention of Tradition ; edited by E. Hobsbawm and T. Ranger. — Cambridge : Cambridge University Press, 2000. — Pp. 165—211.
17. Debord G. The Society of the Spectacle / G. Debord. — New York : Zone Books, 1995. — 154 p.
18. Debord G. Comments on the society of the spectacle / G. Debord. — London ; New York : Verso, 1998. — 94 p.
19. Fortes M. African Political Systems / M. Fortes, E. E. Evans-Pritchard. — Oxford : Oxford University Press, 1940. — 338 p.
20. Fortes M. Of Installation Ceremonies / M. Fortes // Proceedings of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. — 1967. — № 1. — Pp. 5—20.
21. Gerholm T. On ritual : A postmodernist view / T. Gerholm // Ethnos : Journal of Anthropology. — 1988. — Vol. 53. — № 3—4. — Pp. 190—203. — DOI: 10.1080/00141844.1988.9981369.
22. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life / E. Goffman. — Garden City, New York : Doubleday, 1959. — 284 p.
23. Hayakawa S. Language in action. A guide to accurate thinking, reading and writings / S. Hayakawa. — New York : Harcourt, Brace and Company, 1947. — 243 p.
24. Hunt A. The Drama of Coronation : Medieval Ceremony in Early Modern England / A. Hunt. — Cambridge : Cambridge University Press, 2008. — 242 p. — ISBN 9780521885393.
25. Kantorowicz E. H. Laudes Regiae. A Study in Liturgical Acclamations and Mediaeval Ruler Worship / E. H. Kantorowicz. — Berkeley and Los Angeles : University of California, 1946. — Vol. 33. — 292 p.
26. Kertzer D. Ritual, politics, and power / D. I. Kertzer. — New Haven : Yale University Press, 1988. — 235 p.
27. Schechner R. Drama, Script, Theatre and Performance / R. Schechner // The Drama Review. — 1973. — № 17 (3). — Pp. 5—36.

28. *Schechner R.* Performance Studies. An Introduction / R. Schechner. — London and New York : Routledge, 2013. — 359 p.
29. *Schramm P. E.* A History of the English Coronation / P. E. Schramm. — Oxford : The Clarendon Press, 1937. — 283 p.
30. *Strong R.* Coronation from the 8th to the 21st century / R. Strong. — London, New York, Toronto and Sydney : Harper Perennial, 2006. — 556 p. — ISBN 9780007160556.
31. *Turner V. W.* The forest of symbols : aspects of Ndembu ritual / V. W. Turner. — Ithaca, New York : Cornell University Press, 1970. — 405 p.
32. *Turner V. W.* From Ritual to Theatre : The Human Seriousness of Play / V. W. Turner. — New York : Performing Arts Journal Publications, 1982. — 127 p. — ISBN 9780933826175.
33. *Wellings B.* Global Britain and the dark side of civility : Monarchy and the legacy of colonialism / B. Wellings, M. Bonotti, S. T. Zech // Sage Jpurnals. — September 23, 2025. — DOI: 10.1177/02633957251369650.

*Статья поступила в редакцию 25.02.2026,
одобрена после рецензирования 08.06.2026,
подготовлена к публикации 01.07.2026.*

Material resources

- Addley, E. (2023). How coronation of King Charles will revive some of oldest British rituals. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/uk-news/> (accessed 08.02.2026).
- ARM — Apology, Reparation, and Repatriation of Artefacts and Remains. Joint Statement by First Nations, Indigenous Peoples, and Advocacy Groups of 12 Countries with the British Monarch as Head of State, on the occasion of the Coronation of King Charles III, May 6th 2023. (2023). *The Australian Republic Movement*. Available at: <https://republic.org.au/apology> (accessed 07.02.2026).
- Boytsov, M. A. (2014). Coronations in Medieval Europe. *PostScience*. Available at: <https://postnauka.org/> (accessed 7.02.2026). (In Russ.).
- Bradley, I. (2023). The seen and the unseen of the coronation regalia. *Seen & Unseen: Christian podcast*. Available at: <https://www.seenandunseen.com/> (accessed 12.02.2026).
- Burnard, T. (2022). As a historian of slavery, I know just how much the royal family has to answer for in Jamaica. *The Gardien*. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/> (accessed 08.02.2026).
- Cranmer, F. (2023). Lost in transmission — on not romanticising the Coronation. *Law & Religion UK: Issues of law and religion in the United Kingdom — with occasional forays further afield*. Available at: <https://lawandreligionuk.com/> (accessed 08.02.2026).
- Ferguson, D. (2024). ‘Obscene’: Anger after cost of King Charles’s coronation revealed. *The Gadian*. Wickham <https://www.theguardian.com/uk-news/> (accessed 10.02.2026).
- Gianoutsos, J. (2023). To What Should He Swear? Coronation Oaths and King Charles III. *The North American Conference on British Studies (NACBS): post*. Available at: <https://www.nacbs.org/> (accessed 08.02.2026).
- Global Britain in a competitive age. The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy Presented to Parliament by the Prime Minister by Command of Her Majesty*. (2021). UK: The APS Group. 111 p.
- Gulliford, W. (2023). Coronation rite imbued with ancient symbolism. *Church Times*. Available at: <https://www.churchtimes.co.uk/> (accessed 08.11.2025).
- Hazell, R., Morris, B. (2023). Fourteen things you might want to know about the coronation. *The Constitution Unit Blog*. Available at: <https://constitution-unit.com/> (accessed 10.02.2026).
- Hui, S., Myers Jr, S., Pathi, K. (2023). King Charles’ coronation draws apathy, criticism in former colonies. *Sahan Jourwnal, Associated Press*. Available at: <https://sahanjournal.com/> (accessed 10.02.2026).

- Laughland, O. (2023). 'Colonialism lingers': Belize shrugs off coronation amid calls for reparations. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/> (accessed 08.02.2026).
- Morris, B. (2019). What are coronations for? *The Constitution Unit Blog*. Available at: <https://constitution-unit.com> (accessed 07.02.2026).
- Newman, B. (2023). Slavery, Restorative Justice, and the Coronation of Charles III. *NACBS*. Available at: <https://www.nacbs.org/post/> (accessed 10.02.2026).
- Ollikainen-Read, E. K. (2023). Coronations and Colonial Control. *Max Planck Law Perspectives*. Available at: <https://law.mpg.de> (accessed 08.02.2026).
- Ott, H. (2023). King Charles urged to acknowledge Britain's "legacy of genocide and colonization" on coronation day. *CBS News*. Available at: <https://www.cbsnews.com/news/> (accessed 08.02.2026).
- Spangler, J. (2024). Modernising the monarchy: how will the coronation borrow from history, while looking ahead to the future? *Manchester Metropolitan University news and events*. Available at: <https://www.mmu.ac.uk/> (accessed 08.02.2026).
- Stockman, F. (2021). Why Are We So Obsessed with Royalty? *The New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com/> (accessed 10.02.2026).
- The Coronation Liturgy ... — *The Authorised Liturgy for the Coronation Rite of His Majesty King Charles III [with commentary] / The Church of England*. (2023). London: Church House Publishing (The official publisher of the Archbishops' Council). 41 p.
- Wheeler, J. T. (2018). *The History of the Imperial Assemblage at Delhi held on the 1st January 1877*. London: Longmans. 248 p.
- Wickham, L. G., Legg, B. A. (eds.). (1901). *English coronation records*. Westminster: Constable & Co. Ltd., Whitehall Gardens, S.W. 413 p.
- Young, F. (2023). The Ancient Royal Magic of the Coronation. *First Things: Journal of Religion and Public Life*. Available at: <https://firstthings.com/> (accessed 18.02.2026).

References

- Alexander, J. C. (2004). Cultural Pragmatics: Social Performance between Ritual and Strategy. *Sociological Theory*, 22 (4): 527—573.
- Austin, J. L. (1962). *How to Do Things with Words. The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955*. Oxford: Clarendon Press. 166 p.
- Bagehot, W. (1888). *The English Constitution*. London: Kegan Paul, Trench & CO. 378 p.
- Bateson, G. (1955). A Theory of Play and Fantasy; a report on theoretical aspects of the project for study of the role of paradoxes of abstraction in communication. *Approaches to the Study of Human Personality*, 2: 39—51.
- Blackstone, W. (2002). *Commentaries on the Laws of England*. Chicago: University of Chicago Press (Facsimile of 1765—1769). 496 p.
- Burden, J. F. (1999). *Rituals of Royalty: Prescription, Politics and Practice in English Coronation and Royal Funeral Rituals c. 1327 to c. 1485: A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy in Medieval Studies*. York: University of York, Centre for Medieval Studies. 182 p.
- Carpenter, D. (1998). *The Westminster Abbey*. London: Harper. 48 p.
- Cohn, B. S. (2000). Representing Authority in Victorian India. In: *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press. 165—211.
- Debord, G. (1995). *The Society of the Spectacle*. New York: Zone Books. 154 p.
- Debord, G. (1998). *Comments on the society of the spectacle*. London; New York: Verso. 94 p.
- Fisher-Lichte, E. (2015). *Aesthetics of Performativity*. Moscow: Play&Play: Canon-plus. 375 p. — ISBN 978-5-88373-443-3. (In Russ.).
- Fortes, M. (1967). Of Installation Ceremonies. *Proceedings of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, 1: 5—20.

- Fortes, M., Evans-Pritchard, E. E. (1940). *African Political Systems*. Oxford: Oxford University Press. 338 p.
- Gerholm, T. (1988). On ritual: A postmodernist view. *Ethnos: Journal of Anthropology*, 53 (3—4): 190—203. DOI: 10.1080/00141844.1988.9981369.
- Goffman, E. (1959). *The Presentation of Self in Everyday Life*. Garden City, New York: Doubleday. 284 p.
- Hayakawa, S. (1947). *Language in action. A guide to accurate thinking, reading and writings*. New York: Harcourt, Brace and Company. 243 p.
- Hunt, A. (2008). *The Drama of Coronation: Medieval Ceremony in Early Modern England*. Cambridge: Cambridge University Press. 242 p. ISBN 9780521885393.
- Ilyin, M. V. (1997). *Words and Meanings. An Attempt to Describe Key Political Concepts*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 432 p. (In Russ.).
- Jenkins, S. (2019). *A Brief History of England*. Moscow: KoLibri. Azbuka-Aytikus. 416 p. ISBN 978-5-389-07036-3. (In Russ.).
- Kantorowicz, E. H. (1946). *Laudes Regiae. A Study in Liturgical Acclamations and Mediaeval Ruler Worship*, 33. Berkeley and Los Angeles: University of California. 292 p.
- Karabykov, A. V. (2010). The System of Sacred Performatives and Their Role in the Culture and Life of Rome in the 1st Century BC — 1st Century AD. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 3 (11): 26—40. (In Russ.).
- Kertzer, D. (1988). *Ritual, politics, and power*. New Haven: Yale University Press. 235 p.
- Olyanich, A. V. (2007). *Presentation Theory of Discourse: A Monograph*. Moscow: Gnozis. 407 p. ISBN 5-7333-0184-8. (In Russ.).
- Polskoy, S. (2023). Clementia Augustae: Mercy and the Empress's "Ridiculous Vow". *New Literary Review*, 184 (6): 329—351. DOI: 10.53953/08696365_2023_184_6_329. (In Russ.).
- Schechner, R. (1973). Drama, Script, Theatre and Performance. *The Drama Review*, 17 (3): 5—36.
- Schechner, R. (2013). *Performance Studies. An Introduction*. London and New York: Routledge. 359 p.
- Schramm, P. E. (1937). *A History of the English Coronation*. Oxford: The Clarendon Press. 283 p.
- Strong, R. (2006). *Coronation from the 8th to the 21st century*. London, New York, Toronto and Sydney: Harper Perennial. 556 p. ISBN 9780007160556.
- Tsykunov, I. V. (2015). The birth of the Kosmatesco style: Byzantium, Ancient Russia and Medieval Italy. *Language and Text*, 2 (4). DOI:10.17759/langt.2015020411. (In Russ.).
- Turner, V. W. (1970). *The forest of symbols: aspects of Ndembu ritual*. Ithaca, New York: Cornell University Press. 405 p.
- Turner, V. W. (1982). *From Ritual to Theatre: The Human Seriousness of Play*. New York: Performing Arts Journal Publications. 127 p. ISBN 9780933826175.
- Wellings, B., Bonotti, M., Zech, S. T. (2025). Global Britain and the dark side of civility: Monarchy and the legacy of colonialism. *Sage Jpurnals*. DOI: 10.1177/02633957251369650.
- Wolf, K. (2009). *Towards the Genesis of the Social. Mimesis, Performativity, and Ritual*. St. Petersburg: Intersotsis. 164 p. ISBN 978-5-94348-050-8. (In Russ.).

*The article was submitted 25.02.2026;
approved after reviewing 08.06.2026;
accepted for publication 01.07.2026.*